

Ли Сю спустился с пика Цинъюнь и сразу же доложил своему мастеру о ситуации на пике Цинъюнь.

Выслушав, Юнь Хуа кивнул и сказал: "Юнь Цзюэ уединился, там всего три ученика, я должен помочь ему хорошенько присмотреться".

Ли Сю поспешно сказал: "Учитель и маленький дядя мастер действительно имеют глубокую дружбу."

Юнь Хуа скривил уголки рта: "Сходи завтра к Чжун И и спроси у Лань Цяньсина, каждый ли день он так себя ведет". Юнь Цзюэ не для того спас ему жизнь, чтобы он тратил ее впустую".

У Ли Сю в сердце потемнело, но он громко ответил: "Да, мастер".

"Хорошо, ты возвращайся первым". Юнь Хуа махнул рукой, опустил голову и продолжил играть с маленьким комнатным растением.

В просторной комнате было очень тихо, даже если бы из темноты внезапно появилась фигура, все равно было тихо.

"Хмпф, этот маленький сопляк жесток". Голос мужчины в темноте был хриплым. Его голос был очень грубым, как будто его горло обожгло огнем.

Юнь Хуа потерял мысль играть с цветами и растениями. Он нетерпеливо бросил ножницы на стол, его голос был мрачным: "Ты уверен, что у него есть кровь демона?"

"Конечно!" Мужчина твердо сказал: "Формация девяти инь может запечатать духовные корни человеческих культиваторов, но она не имеет никакого эффекта на наших демонов. Этот парень пробыл в формации так долго, но он все еще может использовать свои огненные духовные корни и меч. Я не могу найти никакой другой причины, кроме его демонической крови".

Юнь Хуа сузил глаза: "Неужели...".

В мгновение ока прошел месяц, и пик Цинъюнь стал еще более пустынным, чем когда-либо. Чжун И, Бо И и Лань Цяньсин были очень равнодушны друг к другу, между ними почти не было диалога даже во время их обычных тренировок. Лань Цяньсин, казалось, не обижался на холодное обращение старшего брата, но его ежедневная тренировка не казалась хорошей. Все его тело, казалось, было в каком-то затруднении и замешательстве, он не был таким энергичным, как раньше, когда он мог улыбаться весь день.

Секта Тяньюнь - большая секта, каждый год ученики спонтанно организуют встречи по обмену опытом, и недавно была одна из них. Организатором встречи был Лю Чэнь, старший ученик

мастера секты Юнь Фэна. Вполне вероятно, что он унаследует секту от своего мастера и станет старшим братом всех учеников секты. Ученики секты Тяньюнь боялись, что кто-то замажет его лицо, поэтому ничего не говорили.

Поэтому Лань Цяньсин, прямой ученик одного из четырех старейшин, естественно, тоже получил приглашение. Конечно, Чжун И и Бо И также получили его. На встрече по обмену нет никаких боевых искусств. Это в основном обмен опытом культивирования или формациями и т.д., различные мнения, никаких секретов, и прояснение сомнений для сокурсников. Если человек идет, то он обязательно что-то приобретет.

Встреча по обмену опытом проходила в большом зале с восемнадцатью колоннами, каждая из которых содержала глубокие проблемы или гениальные идеи братьев и сестер учеников.

Чжун И и Бо И не пошли с Лань Цяньсином, поэтому один ученик с любопытством спросил Чжун И. Чжун И ответил, что его младшему брату нужно кое-что отложить, он будет там через некоторое время. Он мог хорошо это скрыть, но Бо И, который был простодушным, не смог. Когда он упомянул Лань Цяньсина, на его лице появилось гневное выражение. Хотя это было всего лишь мгновение, его заметили те, у кого были острые глаза.

После прибытия Лань Цяньсина он, Чжун И и Бо И все еще были как близкие братья, но стоило Лань Цяньсину приблизиться к ним, как они отдалялись, не меняя выражения лица. Отношения между ними не были близкими. Причина, по которой они притворялись, что хорошо ладят, заключалась в том, что другие смеялись над ними, потому что они были единственными тремя учениками в Пике Цинъюнь, и их отношения все еще не были хорошими.

Через три дня после встречи Лань Цяньсина вызвали на пик Байюнь.

Лань Цяньсин прошел через великолепные залы пика Байюнь и пытливые взгляды учеников пика Байюнь, и пришел в элегантный двор.

Он встал в боковом зале и оглядел все вокруг. Как и в его памяти, знакомая обстановка, даже запах благовоний, горевших в зале, были такими же, как и в его прошлой жизни.

Вскоре в зал вошел человек, который также был знаком ему по воспоминаниям, и посмотрел на него со своей обычной улыбкой на губах.

Глаза Лань Цяньсина потемнели. Он опустил голову, скрывая презрение и насмешку в глазах, и почтительно поклонился: "Дядя мастер".

Юнь Хуа не ответил сразу. Он прошел мимо Лань Цяньсина, сел на главное сиденье, взял чайную чашку из чайного сервиза, сделал глоток и сказал: "Ты знаешь, почему я попросил тебя прийти сюда?".

Лань Цяньсин поджал губы и поднял глаза, чтобы посмотреть на него. В этих глубоких глазах был намек на эмоции, но не было понятно, что это было, просто промелькнула мысль: "Ученик не знает".

Юнь Хуа отставил чай. Фарфоровое дно столкнулось с деревянным столом, издав тихий звук. В пустом и тихом зале послышался только смешок, похожий на усмешку.

"Лань Цяньсин, достоин ли ты своего мастера?". Он слегка приподнял подбородок и посмотрел на Лань Цяньсина. Человек с явно теплым сердцем, но можно было ясно увидеть его гнев. Это значит, что человек перед ним, должно быть, сделал что-то отвратительное, чтобы так его разозлить.

Тонкие губы Лань Цяньсина сжались в прямую линию. Он ничего не сказал, его темные глаза были спокойными или, скорее, безжизненными. Где же провокация и гордость, когда он смотрел на него в тайном царстве раньше?

Юнь Хуа просто перестал ходить вокруг да около, и прямо сказал: "Мы с тобой оба знаем, что ты думаешь о своем мастере. Ты также должен знать, почему Юнь Цзюэ внезапно отступил. Он выглядит равнодушным, но ты должен знать, какой он мягкосердечный человек. Ты сам можешь быть девиантным, но ты должен вовлечь его в это. Ты - его первый ученик, он любит тебя, как всегда, но ты так холоден к его сердцу. Он спас тебе жизнь в тайном царстве, а ты вышел, чтобы отплатить ему тем же. Ты такой хороший ученик!"

Распущенные волосы на лбу закрыли глаза Лань Цяньсина, его лицо слегка дрогнуло, как будто он тайно скрипел зубами.

Юнь Хуа снова фыркнул: "Посмотри, какой ты сейчас, ты становишься все более и более декадентским. А как же культивация? С тех пор как Юнь Цзюэ отступил, ты ни дня не был серьезным. Разве ты достоин его? Если бы не Юнь Цзюэ, который ценил тебя как своего ученика. Я бы уже давно изгнал такого злого человека, как ты, из секты Тяньюнь".

"А как же?!" Лань Цяньсин вдруг посмотрел на Юнь Хуа красными глазами: "Ты явно жаждешь мастера, поэтому ты не смог вынести того, как хорошо мастер относится ко мне".

Юнь Хуа слегка усмехнулся, ответ был очевиден.

Лань Цяньсин сжал кулаки, почти стиснув зубы: "Значит, дядя мастер считает меня бельмом на глазу и хочет, чтобы я не попадался тебе на глаза, так?"

Юнь Хуа холодно посмотрел на него: "Если я хочу убить тебя, думаешь, ты все еще можешь стоять здесь и говорить мне эти слова? Ты его ученик, если ты внезапно умрешь, он будет опечален. Я не такой, как ты, такой эгоистичный, такой безрассудный, безразличный к его чувствам".

Глаза Лань Цяньсина расширились. Дрожащие слова Юнь Хуа, казалось, внезапно заставили его что-то понять. Затем его дрожащие зрачки медленно успокоились, и наконец-то вернулось спокойствие, как будто туман рассеялся, и он наконец-то нашел ответ.

Юнь Хуа, увидев выражение его глаз, достал странный камень и помог ему определиться: "Это небесный кристаллический камень. Это то, что я приготовил для периода трибуляции Юнь Цзюэ. Он содержит некоторые примеси, тебе нужно будет подумать, как от них избавиться. Если ты все еще хочешь остаться в секте Тяньюнь и на пике Цинъюнь, то тебе лучше осознать свое положение. Ты, ученик Юнь Цзюэ, должен вызывать у него чувство радости и гордости, а не беспокоить и раздражать его".

Лань Цяньсин нерешительно взял камень, скептически оценив щедрость соперника.

Юнь Хуа взглянул на него и легкомысленно сказал: "Я ненавижу тебя, но я не могу причинить вред Юнь Цзюэ. Этот камень небесного кристалла - древний духовный камень, он содержит чистейшую духовную ци. Когда он выйдет из затворничества и увидит, что ты усердно очищаешь для него этот небесный хрустальный камень, он, возможно, простит тебя".

Он вздохнул: "У Юнь Цзюэ раньше был узел в сердце, но теперь он наконец отпустил его. Я не хочу, чтобы он снова решил сбежать из-за тебя".

Лань Цяньсин сжал камень в руке и уставился на него. В конце концов, он закрыл глаза, слегка приоткрыл рот, выдохнул, как будто окончательно принял решение, и хрипло ответил: "Спасибо, дядя мастер".

В просторном зале Юнь Хуа поднял чашку с чаем, смахнул чайную пену, посмотрел в ту сторону, куда ушел Лань Цяньсин, и на его губах появилась небольшая кривая улыбка. Слегка остывший чай полился ему в горло. Вероятно, он был немного недоволен, рука, которая всегда держала веер, мягко качнулась, легко превратив чайную чашку в его руке в порошок.

На пике Цинъюнь сегодня глубокие облака и туман. Луны не видно, но мягкий лунный свет все равно пробивается сквозь эти облака и туман, так что зрение людей не будет таким темным.

"Мяу~" Маоцуй ласково потерлась о ногу Цинь Ланя. На самом деле, она настойчиво терлась уже две минуты, но человек, к которому она хотела приблизиться, не обнимал ее так нежно, как обычно, а неистово тербил своего пушистого и мягкого малыша.

Главная причина была в том, что Лань Цяньсин все еще обнимал и целовал Цинь Ланя.

Внутри пещеры мерцали теплые свечи, а на каменном столе беспорядочно лежал странный камень. Если бы Юнь Хуа увидел его, то наверняка узнал бы его. Редкое сокровище в этот момент было похоже на обычный камень, забытый в стороне.

Лань Цяньсин легонько чмокнул Цинь Ланя в мягкие и теплые губы, его глаза сверкали, а на губах играла многозначительная улыбка.

На лице Цинь Ланя было два румянца, которые были не очень заметны. Когда Цинь Лань протянул ему руки и что-то дал, Цинь Лань отвел взгляд, затем наклонился и понес Маоцую, которая не переставала тереться о его ноги. Он погладил мягкий и гладкий мех.

Лань Цяньсин с радостью взял вещь в руку, и в мгновение ока увидел, что мастер снова прикасается к маленькому демоническому зверю, и тут же схватил Маоцую за спину и поднял ее, а затем очень некрасиво выбросил из пещеры, крикнув при этом: "Иди охраняй!"

Каждый раз, когда хозяин хотел осуществить великую гармонию жизни, он безжалостно посылал Маоцую охранять вход: "...". Моя цель - предотвратить грязь, или просто грязь?

"Мастер!" Лань Цяньсин продолжил то, что он только что сделал, и передал книгу Цинь Ланю.

Цинь Лань посмотрел на книгу с четырьмя большими иероглифами "Тайное искусство Ясного Сердца Сяо". Поверхность книги была светлой и мутной. Он посмотрел в сторону Лань Цяньсина, как бы спрашивая, что это такое.

Многозначительная улыбка Лань Цяньсина стала еще более глубокой: "Мастер, разве вы не узнаете, если откроете его и посмотрите?"

Цинь Лань, который знал, что это за вещь, с того момента, как достал ее, сделал вид, что ничего не знает, и небрежно перевернул страницы. Затем ему попала первая страница, на которой мужчина держал во рту нефритовую флейту другого мужчины, чтобы попробовать ее на вкус. Стил рисунка очень красивый, а выражение лица очень живое.

Уши Цинь Ланя немедленно покраснели, но его холодное лицо по-прежнему ничего не выражало, как будто он был чрезвычайно спокоен, однако его мягко движущееся адамово яблоко упало в глаза Лань Цяньсина.

Взгляд Лань Цяньсина на Цинь Ланя внезапно стал темнее. Увидев, что Цинь Лань долго смотрит на первую страницу, он придвинулся ближе к красным ушам Цинь Ланя, обхватил руками тонкую талию Цинь Ланя, а его низкий голос был полон соблазна и энтузиазма: "Эта страница уже постигнута, но последняя немного сложна. Может ли мастер разрешить это сомнение для Цяньсина?"

Спустя долгое время Цинь Лань вытянул дрожащие пальцы, медленно перевернул страницу и слегка кивнул.